

СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ В РУССКОЙ ОБЫДЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

1. Обыденная психология и языковая картина мира

В бытовом сознании представителя всякого этноса существуют некоторые модели поведения, совокупность которых можно охарактеризовать как "наивную" (термин Ю.Д. Апресяна), или обыденную (это понятие часто используется исследователями культурной антропологии), психологию. Если говорить о способе хранения и трансляции этих моделей в обыденной культуре, то есть несколько параллельных структур, по крайней мере три:

- 1) "народная мудрость", оформленная в виде паремий: пословиц, народных афоризмов и т.п.;
- 2) непосредственный обыденный (бытовой, некультивируемый) навыковый опыт, демонстрирующий воспроизводимые и нерелефлируемые последовательности поведенческих актов;
- 3) язык как источник базового "знания о мире" Применительно к этой функции языка говорят о языковой картине мира как скрытой в языке неявной модели мира, которая может быть обнаружена только с помощью нетривиальных лингвистических процедур.

В задачу настоящего исследования входит описание языковой составляющей обыденной модели социального действия,

2. Концептуальное поле действия

Говоря о языковой картине мира, обычно обращаются к двум типам языковых фактов:

- а) к культурным, или языковым, концептам — понятиям, выраженным в языке лексически национально-специфическим способом; б) к грамматическим структурам.

В данном случае инструментом анализа языковой модели данного фрагмента мира будут являться языковые концепты.

Социальное действие входит в концептуальное поле Действия. Под концептуальном полем я буду понимать круг языковых концептов, связанных общностью языкового значения, например, синонимический ряд (см. многочисленные

исследования Ю. Я. Апресяна, например, [Апресян, 1995]) или лексико-семантическую парадигму в понимании Д.Н. Шмелева [1973].

Для понимания различий между социальным и другим действием важен анализ русского концепта "Действие", произведенный Ф. Фичи Джуси в сопоставлении с соответствующими итальянскими концептами [Джуси Фичи, 1992].

Как показывает проведенное Ф. Фичи Джуси сопоставление, в пределах концептуального поля "Действие" существует различие двух значений слова Действие (Действие 1 'Акция' и Действие 2 'Воздействие'; далее нумерация соответствует порядку, принятому в работе Ф. Фичи Джуси) и слова Поступок.

В своем исследовании Ф. Фичи Джуси не использует различие Действия 1 и Действия 2, объединяя их в противопоставлении Поступку как фокусирование действия на результате (фиксации связи действия с его результатом) фокусированию на субъекте (фиксации связи действия с его субъектом). Не отменяя значимости этого наблюдения, отметим, что принципиально различие именно трех смысловых единиц. И лежит оно не только и не столько в плоскости отношения действия к его элементам — субъекту или результату. Эти три смысловые единицы соответствуют трем уровням действия: физическому, или природному (Действие 2), целевому (Действие 1) и социальному (Поступок).

Наиболее важной здесь является природа субъекта. Субъект может представляться как не наделенный ни волей, ни разумом, ни коммуникативным потенциалом (физический, природный субъект), как наделенный волей и разумом (целевой, одушевленный" субъект) и как наделенный волей, разумом и коммуникативным потенциалом (социальный субъект). При этом следует говорить именно об интерпретации субъекта, а не о его природе, поскольку один и тот же объект действительности, например, человек, может предстать и как физический субъект, например, тело, и как целевой, и как социальный.

3. Модели действия

Действие 1 интерпретируется по целевой модели: субъект Действия 1 осуществляет его целенаправленно, и тогда действие может иметь результат (в отличие от Действия 2, которое в принципе не может иметь результата 3/4 оно имеет следствие):

Любое мое Действие будет направлено на освобождение моей родины; Он Действовал в соответствии с планом. Наличие цели предполагает существование результата, который всегда отличен от цели. Принципиальное несовпадение цели и результата выражено в разнообразных афористических выражениях, бытовавших и бытующих в разные эпохи у разных народов: *"Благими намерениями вымощена дорога в ад"; "Хотели как лучше, а вышло как всегда"*. Именно диалектика цели и результата создает интригу, загадку, всегда сопровождающую целенаправленное действие, что находит отражение в афоризме *Хочешь сразу видеть плоды рук своих - мой посуду*.

О том, что Действие 1 предполагает наличие цели и результата, говорит возможность его охарактеризовать как разумное или неразумное, осмысленное или неосмысленное, целесообразное или нецелесообразное. На самом деле так характеризуется не само действие, а его результат ³Л как соответствующий цели (или норме) или не соответствующий. Наблюдается некоторая асимметрия названия характеристики действия и ее содержания. **Разумное** действие приводит к результату, приемлемому исходя **из общих соображений**, то есть смысл прилагательного в сочетании вполне соответствует стандартному. А вот **осмысленное** действие приводит к результату, сопоставимому **с целью**, а не с мыслью, **в то время как целесообразное** действие приводит к результату, приемлемому **в данных конкретных условиях**, а не такому, который связан с целью.

Действие 2 можно понимать как исполненное по чистой причинной модели "Причина — Следствие": *Мы видим, что лечение водами оказало на него благотворное Действие; Пилули не подействовали.* Как видим, Действие 2 обозначает причину как таковую. Субъект такого действия предстает как причинное событие (первый пример) или его "носитель": субъект, инструмент (второй пример), — но при этом вне его целевых установок, если их можно предположить, например: *Приходи завтра в гости. Ты Действуешь на моего мужа положительно.* Ср.: [Сахно, 1992], где демонстрируется различие слова *Действие* и оформившейся в самостоятельное слово системы форм множественного числа *Действия*: *Действие механизма, но не Действие, а Действия человека.*

Поступок в этой модели понимается как действие социального, знакового, коммуникативного типа: в нем важен не результат, а эффект, в том числе информация о

субъекте: *Это Поступок, достойный дворянина; Ты поступил правильно.* На коммуникативную природу социальных действий обратил внимание еще Э. Сепир в 1928 году [Сепир, 1993. С. 261]. Однако его пристальное внимание было сосредоточено на событиях символической природы, то есть воспроизводимых, таких, в которых коммуникативная доминанта полностью поглощает собственно предметно-целевую составляющую, и которые приобретают характер чистого знака (стук в дверь, угроза кулаком, раскрашивание ткани в цвета, символизирующие данную страну).

Социальные события и вообще социальные объекты отличаются тем, что они всегда включают в себя знаковую составляющую, функционирующую, с одной стороны, либо как документ, либо как негласное установление (конвенция, норма, обычай), а с другой — как выражаемое действием (или приписываемое ему) значение. Так, социальное поведение всегда значимо, и ни одно даже физиологическое отправление не существует вне знаковой формы и знаковой функции: когда человек ест, он реализует или нарушает культурные формы приема пищи и своим поведением нечто о себе сообщает. Коммуникативность социальных действий можно проинтерпретировать следующим образом: любое социальное действие, помимо реализации цели в виде результата, имеет значение (смысл), коммуникативное намерение и коммуникативное воздействие. Слово Поступок и связанное с ним значение имеют именно знаковую, социальную природу. Так, рубка дерева не является поступком до тех пор, пока не изменяет социальных отношений субъекта с тем, в пользу кого или во вред кому это делается: я рублю дерево, и это мое личное дело. Но вот я рублю чужое или, например, государственное дерево — я совершаю поступок, потому что **показываю**, что противопоставляю себя некоему лицу или государству, и тем самым повышаю (или понижаю) свой социальный статус. Или я рублю дерево, когда для этого есть другие неблагоприятные условия, например, физическая немощь или отсутствие удобного орудия (см. фильм Ю. Райзмана "Коммунист"¹, в котором больной коммунист Губанов в исполнении Е. Урбанского рубит дерево, когда все остальные лесорубы прекратили работу, и это заставляет их вернуться к работе) — я совершаю поступок, поскольку я демонстрирую свои волевые качества. Социальная апробация — вот что делает Действие 1 поступком. Это подтверждается работой С.Л. Сахно [1992. С. 94], где говорится о философских и психологических интерпретациях

поступка как акта нравственного самоопределения человека, в котором он утверждает себя как личность в своем отношении к другому человеку. С.Л. Сахно также отмечает, что "совершение поступка предполагает преодоление некоторой нормативной границы в поведении" [Сахно, 1992. С. 95]. Таким образом, поступок есть коммуникативный акт в двух смыслах: как демонстрация своих свойств другому (демонстративное действие) и как нарушение (минус-реализация) нормы (репрезентативное действие; подробнее о различении демонстративных и репрезентативных социальных действий см. ниже, п. 6} Существует эстетическая интерпретация художественного произведения как поступка, вписывающаяся в представление о поступке как о личностном акте [Бахтин, 1986],

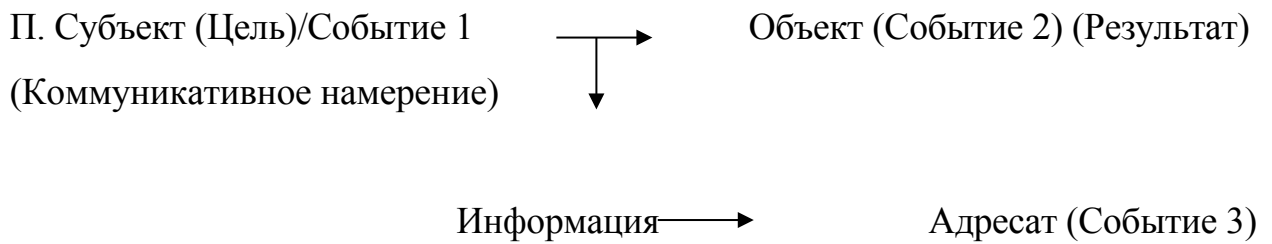
5. Социальное действие в комплексной каузативной модели: ••

Как видим, концептуальное поле Действия представлено как система из трех концептов, объединенных иерархизированной моделью, уровни которой задаются интенцией субъекта: действие может рассматриваться как не зависящее от интенций субъекта (Действие 2), как реализация этой интенции (Действие 1) и как инструмент для ее реализации (Поступок).

Таким образом, языковая модель действия может быть представлена как конструкция из трех уровней, на первом из которых действие интерпретируется как причина, на втором — как целенаправленный акт воздействия, и на третьем — социальном —' как акт передачи информации некоторому не обязательно участнику ситуации. В этой структуре социальное действие устроено как трехуровневая модель, со "снятием" предыдущих уровней, поскольку в Поступке можно усмотреть и причинные отношения, и целевые, просто эти компоненты оказываются на периферии значения, а не в фокусе. Проиллюстрируем это следующей схемой:

Д2. Субъект/Событие 1 (Причина) —————> Объект (Событие 2)
(Следствие)

Д1. Субъект (Цель)/Событие 1 —————> Объект (Событие 2) (Результат)

6. Типы социальных действий

К социальным действиям в предложенной модели относятся:

- 1) знакообразование или знаковосприятие, взятые в социальном аспекте (*подписать договор, объявить войну*);
- 2) действия, включающие в себя коммуникативный компонент: *купить-продать, заседать*;
- 3) физические действия в социальном аспекте, например, *пощечина* в отличие от *удар*, который не охарактеризован в социальном отношении;
- 4) действия, созидающие или изменяющие знаковую составляющую социального объекта: *разжаловать, назначить(директором), уволить*.

Любое действие человека можно проинтерпретировать как знаковое. Так, *убийство* кроме чисто физической составляющей имеет и социальную — юридическую, моральную и т.п.; ср. рассуждение Э. Сепира о различии глаголов *to kill* 'убить' и *to murder* 'совершить убийство' [Сепир, 1993. С. 243]. *Симпозиум* отличается от *собраний* не только тем, что имеет большую длительность и охватывает большее количество лиц (натуральная составляющая), но и наличием определенного официального статуса (знаковая составляющая), а *социальная революция* от *государственного переворота* отличается только оценивающим (воспринимающим социальное событие как знаковую форму) субъектом. *Курение* (или некурение) оказывается знаковым в замкнутом коллективе, многие курильщики и не курильщики могут подтвердить его социальную роль. Наука даже природу представляет в знаковом аспекте - **природные события** трактуются как реализация законов природы (нечто происходит и тем самым демонстрирует нам закон природы, который мы должны понять, то есть **понять** природу). Аналогично по знаковой модели интерпретирует отношения с природой мифологическое сознание: ср., например, понятие архетипа у К.Г. Юнга.

Мифологическая связь событий, однако, вполне допускает причинно-следственную и целе-результативную интерпретацию; см., например, причинно-следственную связь событий посредством мифа в детских суевериях: [Ким, 1995].

Ю.М. Лотман показал знаковый (коммуникативный) характер *поведения* декабристов [Лотман, 1988], показал различие между социальным поведением, характеризовавшим декабристов (демонстративным), и поведением, свойственным дворянам, не принадлежащим к их кругу (репрезентативным). Репрезентативные действия — это воспроизводство знака, его реализация в данной коммуникативной ситуации. В поведении таким воспроизводимым значением является норма, реализующаяся в каждом конкретном случае через ожидание (ср.: [Крысин, 1988]). Демонстративное действие — это означивание в настоящий момент, выражение индивидуального смысла. Однако одно и то же действие в разных коммуникативных рамках (по отношению к разным адресатам) может быть и репрезентативным, и демонстративным. Так, знаковое поведение декабристов демонстративно в восприятии не декабристов ('Я другой'), но репрезентативно в отношении других декабристов («Я Свой»);

Многие бессмысленные (точнее, бесцельные) социальные действия, например, *ритуалы*, могут быть объяснены именно как знаковые действия (ср.: [Степанов, Проскурин, 1992; Сепир, 1993]; Таким же образом можно объяснить малоосмысленные в целевой интерпретации *действия* многих *политиков*. Вообще русская политическая сфера характеризуется большим количеством демонстративных или репрезентативных действий в тех случаях, когда необходимы действия целевые. Полезнее, то есть целесообразнее, что-то сделать для увеличения благосостояния народа, чем показывать свою любовь к нему, или осуществить программу оздоровления экономики, чем совершить (более точно, декларировать) действия, приятные для МВФ. Тем не менее современная социальная действительность свидетельствует о большем доверии народа и других социальных реципиентов к тем, кто совершает демонстративные действия, чем к действующим по целевой модели.

Решая противоречие целевого и коммуникативного, заложенное в природе социального действия, каждый политик вынужден приводить в соответствие его знаковую и целевую составляющие. Недоучет знаковой функции приводит к потере

доверия у социальных реципиентов, а отсутствие целевой составляющей приводит к несостоятельности политика как управленца. Наглядный пример — успех действий Франклина Д. Рузвельта по выходу из Великой американской депрессии и неуспех российских реформ: первые были подкреплены действиями по формированию доверия разных слоев американского общества, а последние обречены в силу полного отсутствия доверия опять же среди всех слоев населения России. Необходимость учета знаковой составляющей в действиях политика приводит к формированию понятия имиджа политика, отражающего этот коммуникативный компонент в его действиях, ср. о речевой стороне имиджа [Осетрова, 1997]. Эту антиномию социального как целевого, с одной стороны, и коммуникативного — с другой, следует объяснить подробнее.

В обыденной, или наивной картине мира политическая сфера представлена как иерархическая структура, в которой на горизонтальном уровне (в среде политиков) существует относительное равноправие, а по вертикали — неравноправие. В этом случае события на горизонтальном уровне представляются как взаимодействие (коммуникация), а по вертикали - - как обычное объектное Действие 1. Это значит, что в такой модели народ — это объект политики.

Такое представление о политической действительности делает ее аналогичной физическому миру, в котором природные предметы не имеют своей воли и могут быть только объектом действия или средством, инструментом.

Этот "природный" взгляд на политическую деятельность широко представлен в бюрократических системах, когда действия с людьми заменяются действиями с документами, или в тоталитарных системах, в которых человек не представлен как индивидуальность, то есть нечто, способное реагировать на действия (не очевидно, но возможно, что это одно и то же). Бюрократическая или тоталитарная модель общества интерпретирует реакцию на воздействие как однозначную.

Однако современная реальность убеждает нас в том, что политическое действие — это действие не объектного типа, а коммуникативного, то есть лица или сложные социальные объекты, на которые направлены действия, являются не объектами, а адресатами действия, то есть способны к индивидуальному, непредсказуемому реагированию на воздействие, восприятию действия политика. А это значит, что

политическое действие завершается и приводит к результату только тогда, когда воздействие будет воспринято его адресатом.

Для того чтобы свести адресатные политические действия с плохо предсказуемым результатом к объектным, политики обращаются к политическим, или гуманитарным, "технологиям", которые способствуют прогнозируемому реагированию на политическое воздействие. Таким образом, отличие "технологической" системы от "бюрократической" заключается в возможности варьирования средств политического воздействия в зависимости от цели субъекта действия и в допущении нестандартной реакции на воздействие,

В этой связи важно отметить, что политик у власти и политик, движущийся к власти, применяют в деятельности, как правило, разные модели общества: "начальнику" проще представлять народ как объект управления и использовать государство как механизм управления, а "деятелю" приходится считаться с волей социума и вести с ним диалог публично и через средства массовой информации.

Результативность же политика определяется не демократичностью или бюрократичностью избранной модели действия, а умением пользоваться этой выбранной моделью.

Литература

- 1.Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопр. языкознания, 1995. № 1. С. 35-67.
- 2.Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984-1985. М: Наука 1986С. 80-160.
- 3.Джусти Фичи Ф. "Действие" в русском и итальянском языках // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука1992. С. 135-138.
- 4.Ким Ю.К. Суеверие современного городского ребенка как особый механизм психической регуляции // Бюллетень клуба конфликтологов. Красноярск, 1995. Вып. 4. С. 51-54.
- 5.Крысин Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: наука, 1988. С. 124-143.

6. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 158-205.

7. Осетрова Е.В. Речевой компонент в формировании современного имиджа // Достижения науки и техники — развитию города Красноярска: Тез. докл. науч.-практ. конф. Красноярск: Изд-во КГТУ, 1997. С. 495-496.

8. Сахно С.Л. Действие в контексте естественного языка // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 90-96.

9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Изд. группа "Прогресс", "Универс", 1993. 656 с.

10. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Концепт "действие" в контексте мировой культуры // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 5-14.

11. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.